

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГРУППОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматриваются вопросы, связанные с определением группового преступления в уголовном праве и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Содержится позиция авторов по данному вопросу.

Ключевые слова: преступление, совместность, группа, предварительный сговор.

Действующее уголовное законодательство России непоследовательно в терминологическом отражении группового преступления. Так, в ч. 1. ст. 35 УК РФ, где речь идет о совершении преступления группой лиц, указывается на совместное участие двух и более исполнителей, а в ч. 2 и 3 ст. 35 УК РФ, где речь идет о совершении преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, лица, совершающие преступления, не называются соисполнителями. Более того, применительно к ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ законодатель не использует конституирующий признак для группового преступления – «совместность».

Судебная практика также не отличается единообразием в понимании группового способа совершения преступления, хотя во многих случаях как групповое преступление квалифицируется именно соисполнительство. Эта позиция получила определенное закрепление в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

В частности, в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» отмечается, что групповым изнасилованием или совершением насильственных действий сексуального характера должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственный половой акт или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу. Далее отмечается, что действия лиц, лично не совершавших насильственного полового акта или насильственных действий сексуального характера, но путем применения насилия содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в групповом изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера (ч. 2 ст. 33 УК РФ) [1]. В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывается, что «убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один, подавляя сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения). Убийство следует признавать совершенным группой лиц и в том случае, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к

нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица). Далее в этом же пункте отмечается, что наряду с соисполнителями преступления другие участники преступной группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников убийства и их действия надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 33 и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» указывается, что «взятку или предмет коммерческого подкупа надлежит считать полученным по предварительному сговору группой лиц, если в преступлении участвовали два или более должностных лица или два и более лица, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, которые заранее договорились о совместном совершении данного преступления с использованием своего служебного положения. При этом не имеет значения, какая сумма получена каждым из этих лиц [2. С. 533].

Итак, в указанных случаях как групповое преступление квалифицируется соисполнительство, понимаемое как действия лиц, выполнивших объективную сторону определенного состава преступления не только полностью, но и частично. Вместе с тем судебная практика является непоследовательной в уголовно-правовой оценке действий соучастников хищения, связанных предварительным сговором, и присутствовавших в одно время вместе с исполнителем на месте совершения преступления и только содействовавших выполнению этого состава преступления исполнителем. Хотя этот вопрос уже давно поднят в научной литературе (Р.Р. Галиакбаров), ситуация не изменилась. Например, в одном случае Верховный Суд РФ признал соучастников ограбления соисполнителями и указал, что для ответственности за преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, не требуется, чтобы каждый участник принимал непосредственное участие в данном преступлении. Суд аргументировал свою позицию тем, что между соучастниками преступления состоялся предварительный сговор на совершение преступления, они действовали согласованно, поровну разделили похищенное [3. С. 4]. В аналогичной ситуации Верховный Суд РФ не признал соучастников разбоя соисполнителями, квалифицировав их действия не как совершенное группой лиц, а со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Суд аргументировал свою позицию тем, что наказание на потерпевшего с целью завладения имуществом совершил один из соучастников. При этом суд указал, что действия лица, не принимавшего непосредственного участия в нападении на потерпевшего, но содействовавшего совершению преступления, следует квалифицировать как пособничество

разбойному нападению, а не соисполнительство [4. С. 10–11]. В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывается противоположное: «...уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соотвествии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу части второй ст. 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ» [5].

Если считать соисполнителями преступления тех, кто во время и на месте его совершения оказывает содействие лицам, выполняющим объективную сторону определенного состава преступления, то невозможно будет установить отличие между соисполнителями и лицами, действия которых уголовный закон придает различную общественную опасность, различное юридическое значение и которых называют исполнителями, организаторами, подстрекателями и пособниками (ч. 1. ст. 33 УК РФ). В этой связи следует поддержать те решения судов, в которых соисполнителями преступления следует считать лиц, полностью или частично выполнивших объективную сторону конкретного состава преступления.

Отметим, что проблема группового преступления обсуждается в научной литературе не только в связи с тем, какую из форм соучастия в преступлении к нему отнести, но и в связи с тем, относить ли к такому преступлению иные виды фактической совместной деятельности помимо соучастия. В частности, некоторые исследователи считают, что понятием группового преступления охватывается не только соисполнительство, но и все случаи выполнения объективной стороны конкретного состава преступления несколькими лицами, из которых лишь одно может быть субъектом преступления, а все остальные таковыми не являются в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости [6. С. 12]. Эта позиция нашла определенное закрепление в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР (РФ). В частности, в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. (с изменениями) «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» отмечается: «Действия участника разбойного наказания или грабежа, совершенные по предварительному сговору группой лиц, подлежат квалификации соответственно по ч. 2 ст. 90, п. «а» ч. 2 ст. 91, ч. 2 ст. 145, п. «а» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления в силу ст. 10 УК РСФСР или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности» [7]. Аналогичное положение содержится и в п. 9 постановления

Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании», где, в частности, отмечается: «Действия участника группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости, либо в силу требований ст. 10 УК РСФСР, или по другим предусмотренным законом основаниям» [8].

Отметим, что в период действия УК РСФСР 1960 г. эта позиция получила необоснованно широкое распространение в судебной практике по уголовным делам об изнасиловании, грабеже, разбое и даже по уголовным делам о всех формах хищения. Безусловно, эта позиция с самого начала подвергалась в юридической литературе обоснованной критике (Н.Г. Иванов, Г.А. Кригер, Л.Л. Кругликов и др.). Исследователи отмечали, что преступная группа в уголовно-правовом значении является соучастием, поэтому она может существовать при наличии не менее двух участников совместного преступления, которые являются субъектами преступления.

В новом УК РФ совершение преступления группой однозначно признается соучастием, поскольку этот институт содержится в гл. 7 УК РФ («О соучастии в преступлении»), и сами участники группы в ч. 1 ст. 35 УК РФ названы исполнителями. Таким образом, в уголовно-правовой реальности групповым преступлением является только преступление, оцениваемое как соучастие, т.е. как состоящая только из преступных действий совместная преступная деятельность двух и более субъектов преступления. Такой позиции придерживается и Судебная практика. В частности, в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указывается, что «...совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия. Вместе с тем при совершении преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности по указанным выше основаниям, лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение этого преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем непосредственного причинения» [2. С. 540]. Аналогичное положение содержится в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «Если лицо совершило кражу посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, его действия... следует квалифицировать... как непосредственного исполнителя преступления...» [5].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» отмечается, что «при квалификации действий виновного как хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, суды должны исходить из требований, предусмотренных частью 2 статьи 35 УК РФ». А в постановлении Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», говорится, что «в соответствии с ч. 2 ст. 35 УК РФ мошенничество, присвоение или растрата считаются совершенными группой лиц по предварительному сговору при условии, что в этих преступлениях участвовали два и более лица, заранее договорившиеся о совместном их совершении». Причем в постановлении обращается внимание судов на то обстоятельство, что при рассмотрении дел об указанных преступлениях, совершенных двумя и более лицами, надлежит выяснять какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны этих преступлений, выполнял каждый из соучастников [9].

На фоне этой позиции странным выглядит положение, содержащееся в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2000 г.: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участвовавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или в виду невменяемости» [8]. Некоторыми учеными это положение было воспринято положительно, и необходимость квалификации как группового преступления в подобных случаях обосновывалась, во-первых, тем, что в ст. 32 УК РФ нет указания именно на лиц, обладающих признаками субъекта преступления; во-вторых, тем, что такая квалификация позволяет отразить повышенную общественную опасность подобных посягательств [10. С. 51–53].

Критика этой позиции основывается прежде всего на систематическом и логическом толковании уголовного закона. Содержание ч. 1 ст. 35 УК РФ свидетельствует о том, что участниками группового преступления могут быть только исполнители, а исполнителями преступления по смыслу ч. 2 ст. 33 УК РФ могут быть только лица, обладающие признаками субъекта преступления. Доведение критикуемой позиции до абсурда может привести к выводу о том, что все участники группового посягательства и даже соучастники не обладают признаками субъекта преступления. Кроме того, критикуемая позиция порождает достаточно сложную и практически не разрешимую с позиций уголовного закона проблему, суть которой состоит в необходимости законодательного закрепления минимальных возрастных границ и границ расстройств психики лиц, не являющихся субъектами преступления, но могут быть признаны участниками преступной группы. Поэтому фактические участники совместно совер-

шенного преступления, не являющиеся его субъектами, могут быть признаны участниками группы не в уголовно-правовом, а в криминологическом значении. Такое участие и его общественная опасность тоже получают уголовно-правовую оценку через нормы о непосредственном совершении преступления. Однако эта оценка влечет уголовно-правовые последствия только для того участника группового посягательства, который является субъектом преступления, а фактические участники должны подвергаться криминологическому воздействию.

Избежать противоречивой судебной практики в применении норм о соучастии в преступлении позволит унификация терминологии в уголовном законе. Представляется, что все разновидности соучастия должны быть названы групповым преступлением, т.к. уголовное законодательство, определяя соучастие как умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ), выделяет все необходимые для совместной преступной деятельности признаки с некоторой спецификой применительно к уголовно-правовой реальности. Прежде всего, участие двух и более лиц, обладающих признаками субъекта преступления, в совершении одного преступления означает включенность в совместную преступную деятельность нескольких лиц. Совершение соучастниками совместных преступных действий означает их взаимодействие, складывающееся из разделения функций и соединения усилий нескольких лиц и воплощающееся в виде наступившего или реально возможного вреда, имеющего уголовно-правовое значение. Указание в законе на совместное умышленное участие соучастников в совершении умышленного преступления означает наличие у них общей групповой цели, реализуемой в преступлении. Такой цели нет в неосторожных преступлениях, при совершении которых лицо не в состоянии предвидеть, а тем более предотвратить последствия неосторожного преступного поведения других лиц. При стечении нескольких лиц в случае неосторожного причинения вреда между ними отсутствует психическая общность, необходимая для совместной деятельности. По этой причине мы не можем поддержать мнение отдельных исследователей, считающих, что соучастие возможно и в преступлениях, совершенных по неосторожности.

Затронутая проблема имеет важное практическое значение, поскольку правильное определение группового преступления создает групповые основания и пределы уголовной ответственности совместно действующих лиц, влияет на квалификацию их действий и влечет ряд других уголовно-правовых последствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 2004. № 8.
2. *Судебная практика по уголовным делам*: В 2 ч. М., 2002. Ч. 1. 560 с.
3. *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 1994. № 1.
4. *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 2002. № 4.
5. *Российская газета*. 2003. 18 января.
6. *Михеев Р.И.* Уголовно-правовая оценка общественно опасных деяний невменяемых или групповых посягательствах // Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью. Омск, 1983. С. 10–19.
7. *Бюллетень* Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6; 1971. № 4; 1983. № 10; 1990. № 7.
8. *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 2001. № 8.
9. *Российская газета*. 2008. 12 января.
10. *Рарог А., Есаков Г.* Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 51–53.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 декабря 2008 г.